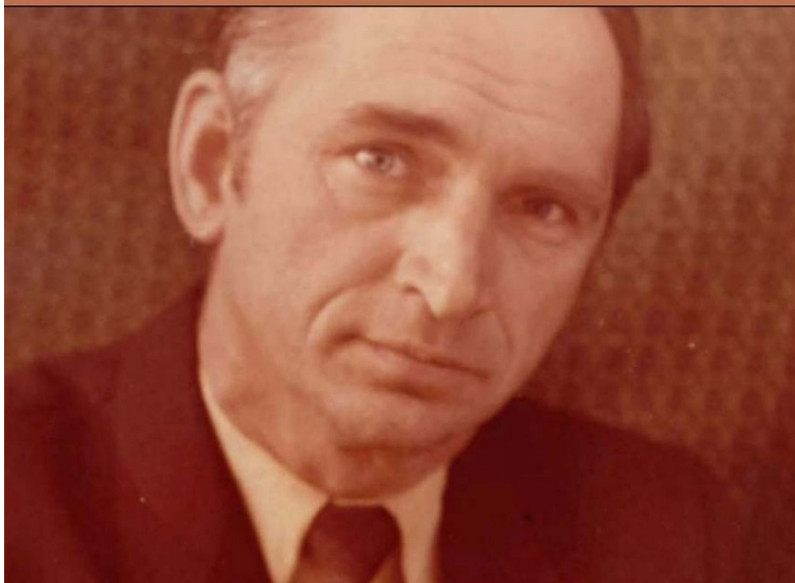

Николай Сергеевич Гребнев

Херувимы

Поэзия

Николай Сергеевич Гребнев

Херувимы. Поэзия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39424941
ISBN 9785447451967*

Аннотация

С 1971 года работал директором школы в посёлке Белогородка, а с 1973 года в селе Обояновка Мариинского района Кемеровской области. С 1977 года – фотокорреспондент в районной газете «Знамя труда» и внештатный корреспондент газеты «Ленинский шахтёр». В 2006 году за вклад в культурное развитие Ленинска-Кузнецкого награждён дипломом и памятной медалью.

Содержание

Николай Сергеевич Гребнев. Мемуары	6
На Волге	10
Жизнь на Волге	12
Знакомство с поэзией	16
Школа	20
Другу детства	22
Из цикла «О былом»	24
Свидание	26
«Дождик в луже чеканит монеты...»	27
На уроке	28
Зимние этюды	29
«Окна в клубе румяней хлеба...»	30
Ничего не надо	31
«Наша юность отпела, проказница...»	32
Моя молитва	33
Песня слёз	34
«По берегу Ярани...»	37
«Сияет снова солнце над Яранью...»	39
«Лет минувших откинул завесу-...»	41
Молитва	42
Девиз	43
Сыну	44
После разлуки	45

«Всему года назначат цену...»	47
«Снова осень и снова тревога...»	50
Тоска	51
Знакомство с Кузбассом	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Херувимы Поэзия

**Николай
Сергеевич Гребнев**

Редактор Игорь Анатольевич Кривов

Редактор Ольга Николаевна Роголева

© Николай Сергеевич Гребнев, 2018

ISBN 978-5-4474-5196-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Сергеевич Гребнев. Мемуары

Мне 26-го апреля 2007 года стукнет 70 лет. Пора садится за мемуары...

Сегодня 16 марта 2007 года. День солнечный, тёплый. На асфальте дорог уже вода, а во дворах пока ещё белый хрустящий снег. Надо к юбилею черновик набросать. Планирую как бы сборник стихов, с краткими комментариями биографических эпизодов. Освежить в памяти детство, школьные и студенческие годы. Сейчас всё ярче всплывают образы тех лет, тревоги, радости и печали молодости. Если получится живо, волнующе, то назову свой скорбный труд поэмой «Херувимы». Ну что же, в путь! Да, будет удача!

Господи Иисусе Христе! Помоги мне в моей исповеди!

Начну с деда и бабушки. Дед по отцу – Гребнев Алексей Иванович. Это был высокий, плечистый, стройный мужчина. Волос на голове был чёрный, а усы и борода -рыжие. Из крестьян. Жили его родители вроде бы в селе Мухино Вятской губернии.

Дед окончил церковно-приходскую школу и учился даже в гимназии. Но рано осиротел, пришлось бросить учёбу и в свои 15 лет возглавить крестьянское хозяйство, поднимать младших братьев и сестёр. Одному не потянуть, женил-

ся. Бабушка (в те годы жгучая брюнетка кавказских кровей) была очень красива и энергична. Помню-то её уже старушкой. К нам, внукам и внучкам, она была добра. Тайком от дедушки подкармливала нас. А дед был суров. Ни разу в жизни он не дал мне не только сахарку или яблочка, но и сухой корки хлеба: исповедовал суровый закон выживания (дети не мои – не моя забота их кормить). Это было в годы войны, отец наш был на фронте, и младший брат его Иван тоже где-то воевал.

Так вот, дед, Алексей Иванович, был участником двух войн. Он называл их Японской и Германской. Воевал дед отменно. По словам отца моего, он вернулся в деревню «золотопогонником»: грудь в Георгиевских крестах, лихо закрученные усы и длинная раздвоенная борода. Он помогал в волости устанавливать Советскую власть. Был членом волостного Совета.

А когда стали организовывать колхозы, дед в колхоз не пошел и отца моего (тогда уже женатого и с детьми, с отдельным хозяйством) отговорил от вступления в колхоз. Они, что могли, погрузили на две телеги и семьями покатали по Руси бурлящей. Маршрута их я не знаю, занятый тех лет тоже. По рассказам матери, мы жили на высоком берегу Волги в рабочем посёлке «Спиртовый завод» Теньковского района Татарской АССР. Там в местной больничке я и появился на свет. Мать вспоминала, что медсестра понесла меня по палате показывать другим роженицам, приговаривая: «Вот каких детей рожать надо. Двенадцать фунтов!»

Посёлок был недалеко от Казани. Мне из тех лет запомнился эпизод из поездки в этот город. Очень тесно. Я сижу на коленях у матери, а над нами нависают мужчины. В большой давке несколько рук тянутся вверх, ухватившись за скобы-калачи на ремнях.

И ещё эпизод: смотрю в окно – утро седое. Далеко внизу Волга. Лодочка маленькая, чёрная, с красным флагом на шесте, и «тук-тук-тук» – стук мотора. Волга – широкая серая лента воды, а моторка, будто игрушка детская, далеко внизу...

А выше нас (дома, где жили мы) была пекарня. Иногда, случалось, при погрузке хлеба на подводу каравай падал и катился к нашему крыльцу. Нас, ребятишек, у родителей было уже тогда четверо: Ира, Гена, Валя и я. Геннадий был чудный мальчик, сильный, смелый, но, играя на берегу, нашёл какой-то белый камушек, погрыз его и умер, отравившись. Я его не помню. Ира, играя со мной на руках, побежала по комнате, споткнулась, падая, ударила меня спиной о гранёную ножку стола. Я поорал, да этим всё и кончилось. Вроде бы кончилось, да не всё: начал расти горбик. В больнице загипсовали, видимо, слишком туго. Я кричал от невыносимой боли. Отец терпел день, другой, а как-то пришёл подпитый, сжалился надо мной, разбил весь гипсовый кокон, снял его с меня, пошёл на берег и с высоты швырнул его в Волгу. И быть бы мне горбатым, если б не добрые люди. Они научили маму, как выправить горбик, – прогреть в солё-

ной ванне, массировать позвоночник и кормить меня высококалорийной пищей. По рассказу мамы, это были слойки, нечто вроде нынешних тортиков. Я ничего сам не помню, но об этом стихи у меня такие получились:

На Волге

В синем небе гомон чаек,
Сакля на горе видна.
Блики-зайчики качает,
Плещет Волжская волна.

Проплывают пароходы
И шаланды рыбаков.
Просим солнечной погоды
Мы у неба, облаков.

У воды нехитрый лагерь.
Тут лечебные дела:
На жаре, солёной влаги
Мать полванны развела.

Горбуна, меня – уродца,
Посадила прогревать.
Не беда – слеза прольётся:
Меньше соли добавлять.

День за днём катилась Волга,
По песку волной шурша,
День за днём, кажись, без толку
Прогревала малыша.

У любви не будь терпенья,
Будь слеза несолона,
На всю жизнь тогда б мученье —
Видеть сына – горбуна.

Но любовь живёт надеждой.
Дружба мамы и реки,
Гомон чаек, ветер свежий
Разогнули позвонки.

Не сутулым, не горбатым
Я почти нормальным рос.
Лишь стихи мои богаты
Жгучей болью этих слёз.

С той поры люблю я воду,
Чаек радостный полёт.
Голубому небосводу
Гимн душа моя поёт.

Есть и в горе много проку.
Пережив такой урок,
Пуще я зеницы ока
Малышей своих берёг.

Жизнь на Волге

На Волге жизнь родителям нравилась, держали хозяйство. Работа у отца была рядом. На покосы плавали на своей шаланде на острова или на другой, заливной, берег Волги. Ребятишкам было с кем играть. Семьи в те времена были многодетными. Случались казусы из-за многонациональности населения. В небольшом рабочем посёлке жили русские, татары, немцы, марийцы, чувашаи, мордва. Дома дети говорили на языке родителей, а в своих детских компаниях все языки смешивались в один клубок: слово по-русски, два по-татарски, тут же вклинивалось немецкое или марийское. Наигравшись в многоречевой компании, дети и дома сыпали языковой путаницей. Но вражды межнациональной не было.

Не прижились мы там по причине климатической. Мать болела часто малярией. Отец выпивал спирт, и малярия не трогала его. Мы, дети, чувствовали себя нормально. Где-то в 40-ом году или пораньше, спасая нашу маму от смерти, переехали в Яранск. Я не знаю про семью деда этого периода, но в Яранске мы жили вместе две семьи, в половине пятистенного деревянного дома рядом с разрушенной часовней у дамбы-тракта, что соединяла город с миром деревень и дальних городов западного направления. Номер дома был 26. Соседи Пироговы. Их дети скоро осиротели. Помните, их было трое: Нина, Шура и Борис. Они через год

или два разлетелись в разные концы. Нина уехала на Дальний Восток, Шура после окончания медицинского училища вышла замуж за раненого, что лечился в Яранске, и уехала с ним в Ленинград. Борис, должно быть, тоже с ними уехал. Свою половину дома они продали, у нас на покупку денег не было. Новые хозяева пустили свою половину на слом. Так мы оказались в огрызке пятистенка. Потом уже дед в одиночку строил вокруг равалюхи-опилыша дом – новый из старого, купленного где-то в деревне. Кстати, после 10-го класса я поехал в Ленинград поступать в институт, и мать мне дала адрес Шуры Пироговой (Вороновой по мужу). Они жили в коммуналке недалеко от Нарвских ворот. В одной комнате ютились они с сыном Витей. Шура была очень отзывчива и меня выручала. Покормит, когда приеду, даст денег взаймы. Вите тогда было лет шесть. А Борис жил недалеко, в другом городе, ближе к Прибалтике.

Наш дом в Яранске окнами выходил на дамбу и на место бывшей часовенки. Вокруг часовенки росли берёзы. Севернее нас, за огородом, проходила улица Никитина по берегу речушки Ламбы. По весне Ламба выходила из берегов и подтапливала наш дом. Приходилось из окна по доске выбираться на дамбу. Половицы плавали по избе, мыши бежали по ним, а мы, малышня, сидели на печи. Эти воспоминания – уже более поздних лет. Разлуку с Волгой переживал я недолго. Первые дни после переселения в этот дом я с утра, прихватив отцовский хромовый сапог, выходил на крылечко

и сидел. Соседи спрашивали: «Ты что, Колюнька, всё сидишь тут, не играешь?». «Жду машину, поеду на Волгу». «А сапог тебе зачем?». « Это мой багаж».

Никто не знал, да и я сам, сколько бы пришлось ждать машину, если бы родители однажды не взяли меня в город. Когда проходили по мосту над Яранью, я воскликнул: «Ой, мама! Волга пересохла, и пароходы все ушли!». С этого времени перестал тосковать по Волге. В Яранске жили тоже небольшим хозяйством: огород, корова (другой живности не помню). Мать с нами, четырьмя детьми, и домашним хозяйством занималась. Отец работал то на берегу пильщиком (пилили брёвна на тёс, плахи) или на спиртзаводе. И всё это запечатлевалось в стихах.

Я мальчонка луговой,
Маленький, несмелый.
Над зелёною травой —
Одуванчик белый.

По цветам ползёт пчела.
У ней крылья – льдинки,
Хоботочком начала
Собирать пылинки.

Вижу бабочки полёт —
Белое мельканье.
Огневой петух идёт
Будто на гулянье.

А вдали, в глазах аж боль,
Марево покровом.
Там рассыпана фасоль —
Пёстрые коровы.

Вижу тётеньку. У ней
Наш подойник славный.
Я бегу навстречу ей:
– Мама!

Пью парное молоко.
Чашка расписная.
Так нам в память глубоко
Детство западает.

Знакомство с поэзией

Со стихами впервые познакомился через старших сестёр. Ира и Валя учили школьные задания, а я слушал их декламацию и стихи западали в память, радовали ритмикой, музыкой речи, красотой, силой и мужеством героев. Это было вроде музыкальной сказки. А вот и мой поэтический опыт:

Мы учились в Яранске.
Нас качала Ярань.
На окошке из банки
Полыхала герань.

Сладкий воздух струился
После пламени гроз.
Каждый в рощу влюбился
Белоструйных берёз.

На лугах-изумрудах
Мы тонули в цветах.
Небо – синее чудо
Колыхалось в глазах.

Дикарями плясали
У ночного костра.
Смех и песни звучали
До седого утра.

Сам, теперь поседевший
От невзгод и дорог,
Я в душе оскудевшей
Чувства детства сберёг.

Если трудно бывает,
Утолит жизни гам.
В детство я улетаю
И брожу по лугам.

Наискосок через дамбу-дорогу стоял двухэтажный деревянный дом, обшитый тёсом. На первом этаже семья Подузовых жила – вязальщики, и хозяйство, конечно, держали. У них тоже младшеньким был мальчонка – Венька (как потом я узнал). Матери нас и свели. Отцы наши в 41-ом году на войне оказались. Нам досталась безотцовщина, а моей семье – голод и нищета. Подузовым легче было выжить: дочери старше, огород больше, станки вязальные были, так что тайком подрабатывали. Тайны ремесла хранили свято. Венька (потом выяснилось настоящее имя – Вячеслав, когда в школу пошёл), научившись от своих вязать рыболовные снасти, мне ничего не показал, как это надо делать.

После войны отец построил небольшую избушку под номером 1-а наискосок, через дамбу. Это была большая усадьба Вихаревых, участок сверхнормативный отмерили нам. Было место заливное. Дед Вихарев по краю от реки во всю

длину участка посадил тополя, и к моменту нашего переселения на новое место эти тополёвые прутьики были уже высокими деревцами.

В 1976 году по воспоминаниям о жизни в той хижине получились такие стихи:

Годы клонят, уводят к закату,
Но всё ярче мне виден восход.
Вижу нашу тесовую хату
В три оконца, себя у ворот.

Волос русый скатался, не чёсан,
Ноги в цыпках и руки черны.
Я задиристый, звонкоголосый,
Как друзья моих лет – пацаны.

Тополя надо мною шумели.
Ой, как много их в тесном ряду.
В белом, в белом, как в снежной метели.
Они были у всех на виду.

Пух летел на луга, на дорогу.
Нежный пух, ты меня волновал.
Был влюблён я в судьбу – недотрогу.
Вдруг (на дамбе) её пред собой увидал.

На лице нежном алые маки.
Карим пламенемплыли глаза.

Даже воздух мне сделался сладким,
Синий бант, развитая коса.

Стыдно стало за вид свой убогий.
Обожгла мои пятки земля.
Уносите скорей меня, ноги!
Защитите меня, тополя!

На вершине под кроной кипучей
Слёзы скрыла листвы кисея.
Имя нежное девочки лучшей
На коре тогда вырезал я.

Был тот случай – сознания началом.
Тополь видеть мне вновь привелось.
Ураганом вершину сломало.
Не собрать моих русых волос.

Годы клонят, уводят к закату.
Но всё ярче мне виден восход.
Снёс отец нашу старую хату.
Я тоскую у новых ворот.

Школа

В первый класс поступал дважды. Первой учительницей была Елена Николаевна. Очень добрая, милая старушка. Запомнился из одноклассников Лёнька Савин. Рядом со мной, заморышем, босоногим, тихим, невзрачным, он, Лёнька, был крупным, энергичным, дерзким, холёным любимцем окружающих – и взрослых, и детворы.

Пока можно было ходить босым по холоду, я старательно учился в школе. Дошёл до слова «бык». Снег выпал – учење кончилось. Ни государство, ни одна добрая душа не догадались помочь мне с тёплой обувкой.

Второй учительницей в первом классе и в последующие четыре года была Ефросиния Осиповна. С этим классом я дошёл до аттестата в 1955 году. Интереснее было учиться с 5-го по 10-й класс. Разные учителя, разнообразие предметов. Как-то притёрлись мы, мальчишки, девчонки свыклись, но были теоретиками в своих лирических отношениях.

По воспоминаниям тех школьных лет рождались стихи.

Монастырку засыпало сахаром
И сечёт ледяною пургой,
Но по дамбе шагаю без страха я
После школы с холщовой сумой.

В той суме, что с чернильными пятнами,

Интересную книжку несу.
Илья Муромец подвиги ратные
Совершает в дремучем лесу.

Продираюсь сквозь выюгу упругую,
Налегаю на ветер плечом.
Тороплюсь к Илье Муромцу другом я
Подсобить и копьём и мечом.

Да вот конь что-то мой спотыкается.
Эх, вы, валенки, дырка к дыре.
Как змеюка портянка болтается,
Но теперь мы уже во дворе.

На печи после скудного ужина
Добиваем с Ильёй татарву,
А сейчас без фантазии кружева
И в достатке я скучно живу.

Нет, не тянет на подвиги ратные.
Сивка – Бурка ко мне не летит.
Та котомка чернильными пятнами
Сиротливо из детства глядит.

Другу детства

Голопузым рос рахитом:
Ручки, ножки с кривизной,
Слёзным голодом побитый,
Покалеченный войной.

А потом ходил я в школу.
Детство нянчила Ярань.
Пескари лечили голод,
Поднимали в росну рань.

И тогда была отрада —
Песня – радость, песня – боль.
Песня вместо шоколада,
На картошку песня – соль.

Пел нам Славка – друг Подузов —
Удалец, любимец фей.
Мне, милей он был Карузо,
Монастырский наш Орфей.

Волновали песни моря,
Окрыляли песни гор.
Забывался голод – горе.
Звонко ширился простор.

Крепче не было союза
В дружбе тех голодных дней,
Славься, Славка – друг Подузов,
Монастырский наш Орфей!

До слёз жаль его. Нелепая смерть в 1997 г. От вечерне-
го наезда какой-то машины в Иркутске, где долго жили они
с Лилией. Любовались с балкона Ангарой, плавали на мо-
торке по Байкалу.

Из цикла «О былом»

На катке мозаика костюмов
И кружится снега кисея.
О тебе мои мечты и думы,
Звонкая снегурочка моя.

С бахромою блёсток на ресницах,
По лицу румянец огневой.
До седин мне образ чудный снится,
Восхищает жгучей красотой.

В круговерти жизненных событий
Все пути к тебе перемело,
Но дороги в юность нам открыты,
Отогреты памяти теплом.

С бахромою блесток на ресницах,
По лицу румянец огневой —
Это юность мне навстречу мчится,
Восхищает жгучей красотой.

По морозу ночью лунной
Одинёшенек ходил.
Не была дорога трудной;
Образ милой мне светил.

В небе радужные круги.
В снежном поле тишина.
Пелись песни о подруге,
Да струилась тишина.

Не худая фуфайчонка,
Не худые валенки,
Меня грели, а девчонка —
Чёрные хрусталики.

Там за речкой тёмный город.
К дому-терему бью след,
И в окне медовом скоро
Твой увижу силуэт.

По морозу ночью лунной
Не хожу давным-давно.
Ту любовь порой досужной
Вспомнить, право, не грешно.

Свидание

Замок-дом стоит на склоне.
Волны плёсские бегут.
Рыцарь, пылкий и влюблённый,
На другом я берегу.

Вспыхнул яркий свет в окошке —
Перекинул зыбкий мост.
И по этой свет – дорожке
Переход к тебе стал прост.

Серебром сияют латы.
Злат – уздечкою звеня
Боевой мой конь крылатый
По волнам несёт меня.

Я твой рыцарь! Сердце радо!
Томной нежности полна
Зазвучала серенада
У заветного окна.

«Дождик в луже чеканит монеты...»

Дождик в луже чеканит монеты
И они оседают на дно.
Детство милое, милое, где ты?
Нам тебя повторить, не дано.

Было время – Я лазил по лужам,
Дождевые монеты искал.
Только истина спрятана глубже.
Я позднее об этом узнал.

В мире познанном чуда не стало.
Я скучаю теперь от дождя;
Не искать дорогого металла,
Никакого открытия не ждать.

Обо всём невозвратном жалея,
Об умерших, грустя и скорбя,
Тихо слушаю песни Сергея
Под стекольные всхлипы дождя.

На уроке

Долго тянутся минуты
До желанного звонка.
А задачи, словно путы
На мозгу ученика.

Рукава на локте трутся.
К парте рук не привязать.
Так и тянет обернуться,
Заглянуть в её глаза.

Но девчонка деловита.
Взгляд задумчив и глубок,
Светом солнечным облита,
В ярком нимбе, словно Бог.

Образ юности далёкой
Светит мне из глубины.
Но задач того урока
Все решенья не ясны.

Почему мне обернуться
Снова хочется назад?
К той богине прикоснуться,
Утонуть в её глазах?

Зимние этюды

Улица белее коленкора.
Чу, шаги. Поскрипывает снег.
Узит плечи, поднимает ворот
Под окошком чёрный человек.

На окне не дрогнет занавеска.
Тень не ляжет в световой поток.
Почему же не уйдёт в отместку
Этот в чёрном, дорогом пальто?

«Окна в клубе румяней хлеба...»

Окна в клубе румяней хлеба,
Слаще мёда, узорней неба.
Там вальс и танго,
Улыбки, плечи.
Там яркой люстрой
Пылает вечер.

Ничего не надо

Ничего не надо,
Только б ты была.
Вечера прохлада
Фонари зажгла.

Потянуло садом,
Яблони струёй.
Ничего не надо,
Только будь со мной.

«Наша юность отпела, проказница...»

Наша юность отпела, проказница.
Изменила нас взрослая жизнь.
Только милая одноклассница,
На неё ты за то не сердись.

Обижали тебя в детстве много мы
И влюблялись в тебя, драчуны.
Нам за годами, за порогами
Твои алые ленты видны.

Седина белой кошкою ластится.
Скоро внуков ласкать, голубят.
Но так хочется, одноклассница,
Юным стать и влюбиться в тебя!

Моя молитва

Родным, друзьям, ушедшим в мир иной,
В душе своей построил я часовню.
Хоть грешен был их краткий путь земной,
Но я добром, добром безбожных помню.

Не их вина, что не ходили в Храм.
Не их вина! У них отняли Бога.
Совсем недавно убедился сам,
Что Бог, Он есть, но злыми был оболган.

В часовне той пред ликами святых,
Что Господа Иисуса окружают,
Я ставлю свечи за родных своих
И за друзей, чьи души отлетают.

Прими, Господи, прости и упокой
Души многогрешных...

(30 апреля 2000 г.)

Песня слёз

«Это было».

Девчонка – Яраночка —
Голубые глаза.
От берёзки – осаночка,
От росинки – слеза.
Слишком рано покинула
Мир цветущий земной.
Не от язвы ты сгинула —
От любви озорной.

У костра на рыбалочке
И светло, и темно.
Ночевали в палаточке,
Пили с парнем вино.
Горе-горюшко матери
О позоре узнать.
Дочка выросла – на тебе...
На могиле рыдать.

Что ты, дочка, наделала...
Я ль тебя не пасла
Ты с берёзкою белою
Как с подружкой росла.
Посажу в изголовие
Ту берёзку-сестру.

Пусть же деревце Божие
Шелестит на ветру.

Ой, девчонка – яраночка —
Голубые глаза.
От берёзки – осаночка,
От росинки – слеза...

После окончания школы в Яранске я побывал три или четыре раза. В один из приездов подошёл к школе, постоял на углу. Вижу, распахнулись двери, толпа учеников с криками, смехом ринулась вниз по ступенькам. Я чуть не задохнулся от этого взрыва голосов. Мгновенно очутился в детстве, в школьных временах...

Я снова пережил былое:
У старой школы на углу
Плаща сиянье голубое,
Зрачки подобные углу
Вдруг обожгли —

И время встало.
Застыл тот миг
В глазах моих.
Я снова здесь-
Как не бывало
Всех изменений возрастных.

Не тридцать девять мне – 16.
Я не директор – ученик.
Какое чудо – возвращаться
В счастливый отрочества миг!

Прошла девчонка из бывшего,
Отполыхали тайники.
Директор я, суровый снова.
Домой бегут ученики.

«По берегу Ярани...»

По берегу Ярани
Иду сырой травой.
Слеза глаза туманит
И манит образ твой.

Мне пережить всё надо,
Ушедшее в туман;
И музыку горсада,
И юности роман.

Кричат надсадно галки
Под тучами свинца.
Сибирские русалки
Твоего лица.

Они в ветвях зелёных
Являлись часто мне.
Над омутом бездонным
Играли на волне.

А я, рыбак и странник,
По дому тосковал.
На берегах Ярани
Я радость потерял.

И вновь к тебе приехал,
Купель моя, Ярань!
Нет радостного смеха.
Есть боль открытых ран.

«Сияет снова солнце над Яранью...»

Сияет снова солнце над Яранью.
Сегодня праздник и воскресный день.
В березнике объявлено гулянье.
Спешу, как встарь, в лирическую тень.

В людской толпе и радостно, и тесно.
Киосков табор. Песен разнолад.
Брожу один под пение оркестра,
Друзей, знакомых был бы встретить рад.

Но больше всех её хочу увидеть-
Мою тоску и радость, и восторг...
Поют и пляшут, веселятся люди.
Кругом цветущий, сладостный простор.

А не она ли с тёмною косою?
А не она ль кудрявая вон там?
Но я напрасно взглядом беспокою,
Пугаю чьих-то милых по кустам.

Брожу один. Гулянье затихает.
Под песен звон расходится народ.
Но где ж она, прелестная такая?
Танцует с кем и с кем она поёт?

Прошла толпа, весёлая, вся мимо.
В ней мало нашей юности примет.
Я не узнал и не нашёл любимой...
А не встречался с нею двадцать лет.

«Лет минувших откинул завесу-...»

Лет минувших откинул завесу-
По берёзовой роще иду.
На опушке у хвойного леса
Я тебя на гулянье найду.

Где народом роятся киоски,
За вино, где кидают рубли
Образ милый девчонки неброской
Ели мудрые мне сберегли.

Без вина околдую цветением,
Напою ароматом хвои.
Будут юности воскрешением
Мимолётные думы твои.

Нагляжусь на тебя, не повеса,
Обласкаю, любя, ветерком,
Лет минувших задёрну завесу
И к сединам вернусь босиком.

Молитва

Много прошёл я опасных дорог.
Ангел-хранитель пока уберёт.
Бросали с балкона бутылкой в меня —
Брызнуло смертью, по нервам звеня.

В шахте случилось попасть мне в беду
В старый забой по приказу иду.
«Ох!» – покачнуло на стойки, по ним
Выбрался еле, для жизни храним.

Мастер не вспомнил хмельной головой:
Без вентиляции был тот забой.
Я – упади, задохнулся бы в миг.
Так не один уже в шахте погиб.

В разных других переплётах везло,
Это судьбы рулевое весло.
Язва скрутила. Вреден мне яд.
От никотина все дёсны болят.

Ангел-хранитель, позволь испросить.
Силы мне дай бросить пить и курить.
Грешен я, грешен давно, через край,
Но помоги мне, Святой Николай!

Девиз

Благая мысль,
Благое слово,
Благое дело!
Хорош девиз мой
Для любого.
Живи с ним смело!

Сыну

В мире всё достижимо.
Будь, во-первых, здоров.
Не ленись: время мимо
Пронесёт счастье снов.

Во-вторых, не робей
На большое дерзай,
А споткнёшься – скорее
Ещё крепче вставай.

Так с годами незримо
Возмужаешь в свой срок,
В мире всё достижимо,
Лишь работай, сынок!

После разлуки

Тополь в два обхвата
Обниму рукой.
Сильно виноватый
Прислонюсь щекой.

Друг мой величавый,
Изболела грудь.
На коре шершавой
Дай мне отдохнуть.

Как бывало, школьник,
Слышу кроны шум.
Я твой подтопольник,
Тяжело от дум.

Видятся живые
И отец, и дед.
Были удалые,
А теперь их нет.

Я когда-то лазил
По твоим сучкам,
Мальчик сероглазый,
Постарел я сам.

Другу-исполину
Боль свою излил —
Он на луговину
Слёзы уронил.

(1985 год)

«Всему года назначат цену...»

Всему года назначат цену
И мелочей не утаят.
Походкой – море по колено —
Шагала милая моя.

В цветастом платье, голорука,
Откинув голову назад,
Она смеялась, а подруга
Смотрела на закат.

Средь пестроты берёз-линеек
Они мне стали не видны,
А память образ тот лелеет
От юности до седины.

Колю дрова под тополями.
Колун по чуркам хрясь, да хрясь.
Проходит девушка лугами —
Лицом нельзя ударить в грязь.

Щепа звенит. Колун взлетает
И застилает пот глаза.
Но неужель не понимает,
Что этим я хочу сказать?

И оглянулась... В самом деле! —
Над головой застыл колун.
Две чёрных пропасти глядели
Одно мгновенье – взгляд колдун...

Она пошла тропой к Ярани
С истомой обнажённых рук.
На вылет взгляд мне сердце ранил.
Венеры стан добавил мук.

А было мне тогда пятнадцать.
Хотя сейчас под пятьдесят,
Но с колуном позабавляться
На том же месте был я рад.

Колю дрова под тополями.
Колун по чурке хрясь, да хрясь.
Проходят девушки лугами-
Лицом нельзя ударить в грязь.

Щепа звенит. Колун взлетает —
И застилает пот глаза,
Но ни одна не понимает,
Что этим я хочу сказать.

И ни одна не оглянулась.
У них мечты... Свои дела.
На чурбане курил, сутулясь.
– Обидно: молодость прошла...

«Снова осень и снова тревога...»

Снова осень и снова тревога.
Снова душу мне ранит печаль:
На земле жить осталось немного.
Всё виднее прошедшего даль.

В этой дали, весёлый и юный,
Я с девчонкой, что так дорога.
Ветви голые, тонкие струны,
Пойте мне про Ярань и луга.

Пойте мне о весне и о лете,
О тех днях, что давно далеки.
Я грущу и она, может, где-то
Загрустила у нашей реки.

Повторимы и вёсны, и зимы.
Повторимы и радость, и грусть.
Только юности неповторимой
Нам цветения не вернуть.

Тоска

Вызрела печаль рябиной алой.
Капли крови в гроздьях запеклись.
Так нелепо вдруг отца не стало-
Для меня смешались даль и близь.

Лет моих уже повыше груди,
Но, мальчишка, я в тоске о нём.
Лишь в душе есть воскресенья чудо.
Дождь надрывно плачет за окном...

Знакомство с Кузбассом

В Кузбассе (г. Ленинск-Кузнецкий) оказался случайно (обманом завезли). Вербовался в Ленинграде на работу в г. Черемхово строить шахту. Хотел пройти дорогой отца. Он после потери денег за продажу коровы в 1947 году по вербовке поехал в Черемхово. А я не знал, что его привезли в Кузбасс, в Прокопьевск.

В Ленинске-Кузнецком жили в общежитии на Лапшиновке. Работали на строительстве шахты им. Ярославского. Поработал мотористом под землёй. Шахтёрская тема коснулась меня и дважды чуть не убила. Случай был: по заданию горного мастера послали меня записать номера оставленных в новом штреке электродвигателей, в конце этой выработки. Чисто. Стойки новые. Вдруг – как удар по голове; качнуло вправо на стойки. По ним тихо-тихо, перебирая одну за другой, вышел обратно на вентилируемый откаточный штрек. Сижку на ленте, а меня всего трясёт от испуга. Ведь упади тогда от удара бескислородия, я бы погиб. Подошёл горный, спросил бумажку с номерами. Объяснил ему ситуацию – его затрясло. «Давай доски найдём, крест поставим» – давно не проветривали штрек...

Второй случай. Чуть не попал под вагонетку. Шёл по уклону вниз. Вагонетка загрохотала сзади. Еле успел заскокить в сбойку, как она прогрохотала по уклону. Плохо

была закреплена при спуске. Потом под давлением родителей (писали в письмах: учись, учись, институт кончай) поступил в Кемеровский пединститут на заочное отделение. Потом в 1966 году поехал учительствовать в Топкинский район, в село Усть-Сосново. Там через два года сложилась ситуация для нас нехорошая. Директор зачислил в первый класс идиота: нужен был для счёта. Этого идиота старшие стали натравливать на моего сына, учившегося в том же классе. Наши опасения за здоровье своего ребёнка дирекцией школы игнорировались. Пришлось уехать в село Усть-Колба. Там была восьмилетка. Директор – заслуженный боевой офицер, но вскоре вышел на пенсию, а новый директор, алкаш, мои уроки немецкого языка отдал своей жене, малограмотной немке. Так через год мы переехали в Мариинский район. Там я был директором в двух школах (два года в средней в Белогородке и восьмилетней в Обояновке), но жизненная ситуация опять сложилась не в пользу наших детей. Сын поступил в техникум в Кемерове, а дочь хотели в другое село в интернат определить, так как в нашей восьмилетке учеников мало осталось. Пришлось ради детей вернуться в Ленинск-Кузнецкий. Детей уберегли. Вынянчили внуков. Сейчас вот пишу эти мемуары и ничуть не каюсь. Для нас главным в жизни было убереечь детей. Задача выполнена – мы довольны. Только очень жаль трёх мальчиков, потерянных при родах. Душа моя плачет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.